

нять какое-то сложное решение сразу иду к мужу, начинаю по мобильному как сумасшедшая звонить, спрашивать. Мне иногда кажется, что муж меня старше. Он очень мудрый человек, я более спонтанна. Он умеет меня тормозить, в правильный момент сказать: тебе этого не надо. Очень важно, чтобы рядом с женщиной был мужчина, который адекватно понимает эту жизнь.

— Язык, говорят, хуже пистолета. Как окружающие отнеслись к такой ситуации в вашей жизни?

— С большой завистью! Нет, правда, многие даже последовали потом моему примеру. Другьям не надо было ничего объяснять. А вообще нам было глубоко наплевать, кто и как к нам отнесется. Нам было так хорошо! «Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?» Такая это ерунда!

— А дочь?

— Настя не сделала Толю отцом, она сделала его своим другом. Они долго к этому шли, но зато сейчас у них необыкновенные отношения. По многим моментам Настя приходит именно к нему, а не ко мне. Одно из самых серьезных решений по поводу Настиных дел Толя принял сам, мне они даже сначала ничего не сказали. Когда она очень устает, они идут вместе в клубы, танцуют, что-то смотрят. Я так этого хотела, чтобы они были друзьями. Это же очень-очень сложный момент, дети всегда ревнуют своих родителей. И когда со временем все оказываются друг другу нужны и каждый понимает свое место в отношениях — это великое счастье.

— Что самое важное для женщины, чему вы хотели бы научить дочь?

— Нужно уметь подождать, не принимать поспешных решений, не делать быстрых выводов о человеке. Сейчас у девушек как? Чуть что — все, не нравится, плохой! Не надо, не торопитесь... Женщина должна быть более терпимой.

— Марина Григорьевна, вы ведь в свое время ушли из театра Райкина именно из-за семейных обстоятельств?

— Я ушла в декрет тогда, когда мне предложили главную роль. А потом вернулась, была не в форме, и мне уже не дали роль. Я не была в этом виновата, я должна была родить, очень хотела ребенка. Театр — это жестокое дело. Либо ты отдаешься ему полностью, либо болеешь, рожаешь, выходишь замуж...

— Но многие актрисы выбирают именно театр. Стоит это того?

— Нет, ни в коем случае. Я считаю, что актриса, которая была прекрасная она ни была, должна из своей профессии вынуть несколько лет и отдать себя ребенку, семье, мужу и пытаться потом жить так, чтобы на них хватало времени и сил. Я всегда готовлю мужу обед, как бы ни была занята. И как только он заканчивается, делаю новый. Когда я это делаю — в час ночи, в три, рано ли утром — это уже мои проблемы.

— А что случится, если обеда не будет?

— Ничего, человек поест, конечно, где-нибудь в столовке... Сегодня в столовке, завтра в столовке — а потом появляется гастрит. Зачем это? Лучше уж приготовить что-то своими руками, и все будет хорошо. Женщина должна быть не только женой своему мужу, она должна быть ему подругой, матерью, любовницей, сестрой — всем. И тогда про людей говорят: «Ну надо же! Как же они так долго вместе прожили?» Тогда и мужчина будет о ней заботиться — он не может не позаботиться, потому что чувствует от женщины то же. Человек что-то для тебя делает, и тебе хочется, чтобы ему тоже было приятно. Это и есть отношения.

— Чем вас муж больше всего удивил?

— Своей нежностью. У меня были браки, романы, я делала много ошибок в жизни, меня любили, но никто никогда ко мне не относился так, как он. Это так важно — важнее ничего нет. Столько грубости, столько невнимания у нас по отношению к женщинам, потому мы ценим именно нежность. За это мы готовы многое простить.

■ Ирина Липовец.

